

Кришна Пал

РУССКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК
ФИЛИПП СЕРГЕЕВИЧ ЕФРЕМОВ*

Среди литераторов XVIII в. было хорошо известно имя Филиппа Сергеевича Ефремова (1750 — после 1811). Он, образованный русский офицер, оказался в плену у пугачевцев и был продан казаками-кочевниками в рабство в Бухару. Оттуда он бежал и через Китай и Тибет попал в Индию. Вернувшись на родину, он описал свое путешествие, а также быт, нравы и обычаи народов Средней Азии, Китая, Тибета, Кашмира и индийских колоний Англии. Его книга «Десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию» стала в XVIII в. бестселлером и вызвала живой отклик в русском обществе.

В XVIII—XIX вв. имя Ф. С. Ефремова упоминали крупнейшие политические деятели, а также литераторы, например, императрица Екатерина II, А. Безбородко, А. Воронцов, А. Радищев, Н. Некрасов, Н. Лесков.

Первым княжеством Индии, куда попал в своих «странствованиях» Филипп Ефремов, был Кашмир. Собственно Кашмиром чаще всего называют обширную высокогорную долину, окружающую со всех сторон отрогами Гималайских гор. Ефремов пробирался в Кашмир с северо-востока, преодолевая горы Харамук и Сонамург. По всей вероятности, он со своими спутниками шел из Леха в Кашмир через горный проход Набог.

Цветущая долина Кашмира поразила путешественника. Плодородные земли, тучные стада крупного рогатого скота, рукотворные озера и каналы, ухоженные дороги, многочисленные поселения крестьян и небольшие города казались Ефремову чудом после безлюдных, холодных и неприветливых Гималайских гор.

Обычно указывается, что Ефремов посетил главный город этой провинции Сринагар, однако это не соответствует действительности. Путешественник упоминал не о городе, а о небольшом поселении Кашемир. Видно, он посетил и описал один из многочисленных поселков, расположенных на западе долины. «Город Кашемир,— сообщал он,— стоит на ровном месте; вокруг его версты на три или четыре простираются высокие горы, почти всегда испещренные различными цветами, кои при случае ветра разносят благоухание по всему городу. Народ здесь ремесленной и рукодельной, любит также заниматься торговлею и довольно зажиточен»¹. В другом издании книги об этом поселении сказано: «Сие место стоит в горах, у оного же протекает небольшая речка, называемая Нилаб, а вокруг местечка болото»². Известно, что Сринагар был большим городом и стоял на широкой и полноводной реке Джелам.

Англичане считали кашмирцев самыми красивыми в Индии. Это отметил и Ефремов, заявивший, что «жители лицом чисты, росту большего, тонки. Платье белое суконное, наподобие русской крестьянской рубахи»³.

Пограничная провинция Кашмир всегда была предметом особой зависти соседних государств, поэтому ее история — это история бесконечных войн и разрушений.

К сожалению, путь русского путешественника по Кашмиру обрисован в «Десятилетнем странствовании» лишь в общих чертах, поэтому нет возможности составить точный маршрут передвижений Ефремова. Единственная точная географическая координата — река Чинаб. Писатель подробно рассказал о необычном способе переправы через эту быструю и своенравную реку: «По обе стороны оной у берегов поставлены столбы, к ним привязан от одного берега до другого

* Статья посвящена русскому путешественнику Ф. С. Ефремову и его книге «Десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию» (1-е изд. 1784 г., 2-е — 1786 г., 3-е — 1794 г., 4-е — 1811 г.)

простирающийся претолстый канат, на который положена деревянная дуга. У концов оной привязана из веревок сделанная сиделка. По обе стороны дуги на канате же приделаны деревянные блоки и к ним с обоих берегов толстая веревка. На сиделку сажают человека или кладут товар и привязывают веревками, дабы не мог упасть он в воду. Потом тянут оное с одного берега на другой. Сие сделано потому, что река сия бежит с превысоких гор весьма быстро и препятствует сим чрез нее сделать мост и переправляться на лодках»⁴.

Пройдя Кашмир, русский офицер направился в провинцию Пенджаб. В стране пяти рек (Пятиречье), как с древности называли эту историческую область, с 1765 г. находилось независимое Сикхское государство⁵. Ефремов шел по традиционному для путешественников маршруту через город Амритсар, где расположен знаменитый «Золотой храм», далее, видимо, через местечко Тарнтаран, названное путешественником Вару-вару, городок Пиллаур на реке Сетледж, городок Малеркотла, город Патияла, селение Карнал. По сведениям Ефремова, Карнал был пограничным городом страны сикхов, дальше начинались «места, именуемые Индостаном».

Первым собственно индийским городом для Ефремова был небольшой городок Панипат (или Сонипат), расположенный недалеко от Дели. Весь путь от Тибета до Дели путешественник проделал вместе с тремя паломниками-мусульманами, которые шли в Мекку для поклонения священному камню Каабы. В городе Чомба Ефремов тяжело заболел, у него началось нагноение в ноге, и около месяца он пролежал без движения. Вылечил его добрый старик-кашмирец, взявший на попечение паломников. Двое «магометан», не дождавшись выздоровления Ефремова, покинули его в городе Чомба, а третий паломник отстал от него уже в Дели.

В индийской столице усталый путник случайно встретился с добрым человеком, давшим ему приют. Ефремов рассказывал: «Один мимо идущий человек остановился и говорил со мною, спрашивая, какой я человек, и я отвечал, что российский. Он взял меня к себе в дом, объявив о себе, что он армянин и имя ему Симеон, и велел довольствоваться меня кушаньем и дать постелю»⁶. Действительно, в Индии всегда была достаточно многочисленная армянская колония, занимавшаяся в основном торговлей⁷. Симеон, видимо, также был зажиточным торговцем, христианином. С Ефремовым он завел знакомство после того, как путешественник в его присутствии «воспомянул Бога»⁸.

Армянского купца заинтересовал европейский тип лица Ефремова, хотя одежда на нем была паломническая, мусульманская — «из толстаго простаго и белаго сукна... и шапка вышиною в пол-аршина, вышитыя шерстяными же разноцветными нитками»⁹. В доме Симеона русский странник прожил две недели. Он гулял по Дели, осматривал мечети, базары, дворцы местной могольской знати и индийских раджей.

Город Дели понравился русскому путешественнику и вдохновил его на создание очерка, где отмечалось, что в индийской столице «строения довольно красивы, дома по большей части каменные, много есть и о двух ярусах, прочие же все мазанки, однако же внутри отштукатурены, черных изб, наподобие наших, нигде нет. У большей части жителей при дворах находятся сады большие и малые, смотря по достатку и пруды для приятного препровождения времени в жаркое лето. Улицы везде прямы и просторны. Караван-сарай каменные и огромны. Здешняя мечети каменные и великолепны, капища же индейския весьма просты»¹⁰. Говоря о «великолепных» мечетях, Ефремов имел в виду Соборную мечеть (1644—1658), Жемчужную мечеть (ок. 1600), мечеть Кулан (1380) и Кули-Кухна (1545), мавзоль Хумаюна (вторая половина XVI в.)¹¹.

Как наблюдательный человек, Ефремов обратил внимание на многоязычие Индии. По его сообщению, «язык у них для наук арапской, а гузаратский употребляют все почти отправляющие купечество»¹². Всего в Индии около 150 языков. На севере п-ова Индостан, где проживало много мусульман, использовался язык урду и арабская графика, пришедшая вместе с исламским завоеванием Кашмира, Пенджаба, Декана. Язык урду, один из официальных языков Индии, генетически

родственный хинди, включает в себя множество персидских и арабских слов. «Гузаратский» (гуджаратский) язык, относящийся к индийской группе семьи индоевропейских языков, имел свой особый алфавит, сходный с деванагари, т. е. слоговой системой письма, которая используется в хинди, маратхи, санскрите. Гуджаратский язык, распространенный на Деканском п-ове и в прибрежных районах, был языком купечества. Скорее всего, именно его использовал Афанасий Никитин в беседах с индийскими друзьями в Бидаре.

Рассказывая о мужской одежде, Ефремов имел в виду индийский национальный костюм дхоти, который, как и женская одежда — сари, изготовлялся из несшитой ткани. Такая одежда дала в свое время возможность Марко Поло заявить: «Во всей стране Маабар никто не умеет кроить и шить»¹³. Эта фраза знаменитого мореплавателя стала крылатой, и ее повторяли все путешественники по Индии вплоть до XX столетия.

Русский писатель поведал и об экзотических для России средствах передвижения. Если Афанасий Никитин рассказывал о боевых слонах бахманидской армии, то Ефремов вспоминал о вечерних прогулках на слонах делийской знати: «Ездят там знатные по большей части на слонах, на коих кладутся ящики с зонтиками, а в них ковер и подушка, обитая сукном, подзор же у зонтиков вышит шелком с бахромою золотою, серебряною или шелковою, смотря по достатку»¹⁴. С неодобрением путешественник отзывался о паланкине, называя его «палкой»: «Если сядет человек в них дородный, то спереди и сзади по 4 и по 5 человек носят на себе попеременно, а впереди один идет с тростью для распространения дороги... Лошадей же имеют здесь мало для того... что они очень дороги, равно как и корм для них, и сходнее иметь 20 человек, нежели одну лошадь»¹⁵. Сходные по теме и стилю описания содержатся и в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, который, к примеру, трижды замечал, что индийская знать «ездит на людях».

Для Ефремова, как и для Никитина, одежда и украшения индийцев служили показателями их социального статуса. Путешественник XVIII в. отмечал, что богатые мужчины в Индии «наподобие перлов повязывают на шею сделанное из золота украшение, в одном ухе кольцо, на руке перстень — золотые ж. У женщин в ушах и ноздрях кольца и на руки надевают по одному кольцу золотому ж»¹⁶.

Видимо, по-доброму отнесшийся к Ефремову делийский армянин Симеон поддерживал какие-то связи с Россией, ибо среди его знакомых оказался протестантский священник-миссионер в Лакхнау, живший до этого в Санкт-Петербурге и Ораниенбауме. Симеон посоветовал Ефремову добраться до английских владений в Индии, откуда легче выехать в Европу. Армянин приискал для путешественника попутный караван, помог купить коней и отправил его в город Лакхнау, называемый в «Девятилетнем странствовании» Лякнауrom.

Ефремов скупно и весьма неточно описывает свой путь от Дели к Лакхнау. Он называет населенные пункты так, что их трудно соотнести с реальными городами Индии. «Ехали на лошадях верхами до города Акбиравату 7 дней, в нем река Джаноп, — сообщает он. — От онаго города до города Шупуравату 1 день. До города Карнауку езды 3 дни, в нем река Ганг. До города Лякнауру 4 дни, в нем река Гумти, где стали в караван-сараяе»¹⁷.

На пути от Дели к Лакхнау путешественник неоднократно встречал «кочевья» маратхов. В XVII в. маратхи, один из народов Индии, создали мощное племенное объединение, называвшееся Маратхским государством, расположенным в центральном районе полуострова. Будучи опытными воинами, проводившими время в боевых походах и стычках с врагом, маратхи захватили Дели и в 1758 г. вторглись в Пенджаб. В Панипатской битве они потерпели поражение от афганского Ахмад-шаха Дуррани и вынуждены были покинуть северную Индию¹⁸. Ефремов давал следующую характеристику маратхам: «Жители к войне склонны и храбры... и весьма воинственны. Росту большого, смугловаты, телосложения крепкого, знатная часть их вероисповедания магометанского, обхождением против индийцев грубее»¹⁹.

Англичане вели себя в завоеванной стране как хозяева, что сразу же почувствовал на себе Ефремов. Русский путешественник рассказывал, что после его приезда в Лакхнау и беседы с голштинским священником он был арестован и провел двое суток в тюрьме без предъявления какого-либо обвинения. На третий день его вызвал к себе английский комендант Мидлтон и объявил о своем решении зачислить Ефремова на службу в колониальную армию. Русский офицер, возмущенный «комендантской наглостью», заявил, что он секунд-майор армии России, родственник военного министра графа З. Г. Чернышева и не позволит так обращаться с собой. «Сие услыша,— сообщал Ефремов,— комендант немедленно меня освободил и дал мне письмо для вручения его приятелю мистеру Чамберу в городе Калкате»²⁰.

Из Лакхнау Ефремов, одетый в европейское платье, подаренное ему знакомым священником, ехал как господин «в индийской коляске, подобной чухонской телеге, но с зонтиком... до города Кампу»²¹. Под Кампу писатель имел в виду крупный город Кампур, расположенный в Гангской низменности.

Далее наиболее удобный путь шел по великим индийским рекам, поэтому Ефремов нанял лодку и шесть дней сплавлялся вниз по течению реки Джумны до города Аллахабад, который он называл Илебашем. Этот древний город лежал на слиянии Ганга и Джумны. В нем находилась мощная крепость, построенная в XVI в. султаном Акбаром.

Плывя по священной для каждого индийца реке Ганг, русский путешественник с интересом наблюдал за молитвами солнцепоклонников, выходивших каждое утро на берег реки для приветствия восходящего светила и религиозного омовения. «Поклоняющиеся солнцу,— писал он,— при восхождении онаго входят в реку по калена и глядят на него, читают молитву, плещут к нему вверх раза три, иногда также глядят на него, читают и бросают землю вверх три раза»²².

В ведах вода обычно именовалась матритам (матри), что в переводе означало «мать», и символизировала собой созидательные и губительные силы природы. Чаще всего вода рассматривалась как хранительница жизни, присутствующая в живой природе в виде дождя, сока растений, молока и крови. Индийскими жрецами вода обожествлялась как начало и конец всего живущего на земле²³. Хотя вода внешне бесформенна, веды подразделяли ее на верхнюю и нижнюю. Верхние воды соответствовали потенциальному и возможному, нижние — актуальному и уже сотворенному. Верхние и нижние воды, по этому учению, всегда находились во взаимодействии и взаимообмене посредством дождя и испарения. В жизнь воды вмещивается солнце (огонь), заставляющее воду испаряться и порождающее тем самым жизнь. Выплескивая воду вверх, к солнцу, верующий как бы приносит жертву высшим силам. Вода возносилась к солнцу, собиравшись в облаках и возвращалась на землю живительным дождем, дающим жизнь²⁴.

В Индии особое место занимал культ животных. В индуизме поклонение богам сочеталось с поклонением злым духам и священным животным: обезьянам, крокодилам, змеям, собакам, коровам. Коров не убивали, их держали до глубокой старости и естественной смерти. Убить корову считалось смертельным грехом. Ефремов писал, что индийцы «держат скотину только для молока и масла... естли кто из иноверцев вознамерится оную убить, то покупают, не имея же достатку на что купить, плачут»²⁵. Поэтизация образа коровы — кормилицы, всеобщей матери (Камадхены) — уходит корнями в ведическую культуру²⁶. Корова, согласно учению брахманов, была воплощением божества, поэтому убийство ее или издевательство над ней строго преследовались и карались. Индийцы так почитали корову, что все, с нею связанное, даже продукты жизнедеятельности животного, обожествлялось.

Ефремов рассказывал: «Очертив у реки для своего семейства круглое место, вымазывают его коровьим, разведенным в воде калом, на середину ставят котел; как скоро место сие высохнет, то все они садятся в черту и тем же навозом вместо дров варят для себя пищу, сваривши оную, едят и потом приходят к болванам и маслом... обливают им головы»²⁷.

Все полученное от коровы индийцы использовали в качестве пищи, лекарства и топлива. По свидетельству путешественника Рафаила Данибегашвили, корова у индийцев «в большом почтении; самую даже уриною ея мажут лица свои и очищают оскверненные сосуды»²⁸. Коровий навоз также обожествлялся, ибо, по преданию, тело бога Шивы было обмазано им. Индолог Минаев писал, что, согласно представлениям индийцев, коровий навоз имеет целебные свойства и помогает от болезни²⁹.

Путешествуя по великой реке Индии, Ефремов посетил города Варанаси (Банарас) и Патна. Минуя целый ряд городов, он приплыл к столице Ост-Индской компании, городу-порту Калькутте, названному им Калкат. Путешественник писал, что в районе Калькутты «жили Бенгол, или Бенгалы», один из наиболее многочисленных этносов Индии. Бенгалия, по воспоминаниям Ефремова, «изобильнее всей Индии золотом, серебром, бриллиантами, жемчугом, шелком и прочими вещами и материями»³⁰.

С калькуттскими впечатлениями связаны очерки Ефремова о смерти и погребении у индуистов, для философии которых характерны презрение и отвращение к страданиям и смерти. Среди верующих существовало такое понятие, как осквернение человека болезнью. Видимо, с этим был связан рассказ писателя о последних днях людей, одержимых тяжелым недугом. «Случается, — сообщает он, — что больного, не имеющего почти движения и языка, приносят к реке, близ воды сажают на землю. Старый человек, и буде есть то жена, сын или родственник, берет больного за голову и окунывает дотоле, пока он не захлебнется, после чего совсем сталкивает в воду. Когда вода прибывает от морского прилива, то тела, носящиеся на поверхности, при отливе вместе с течением воды уплывают в море»³¹.

Закон кармы, известный всем индуистам, гласил: «Если ты здоров, богат и счастлив, значит ты этого заслужил всеми прожитыми ранее жизнями. Если ты несчастен, беден и нездоров, не вини в этом никого, кроме самого себя»³².

Сходный обычай описывал Рафаил Данибегашвили, побывавший в Индии в конце XVIII в. «Больных и слабых людей обоего пола и всякого возраста, — сообщал он, — если жрецы по их примечанию скажут, что они близки к смерти, класть в гроб, приносить к реке Гангесу и, введши их в воду по колен, многократно лить воду им в рот. Ежели кто-нибудь из таковых несчастных лишается жизни, то на небольшом огне недолго продержав мертвое тело, бросают в реку»³³.

Этот обычай восходит к учению сансара, одному из основных догматов индуизма и джайнизма. Концепция сансара включает в себя идею родственности всех живых существ и богов и возможности перехода между этими формами. Главной в этом учении является мысль о неумираемости живого, ибо смерть — процесс перехода из одного состояния в другое³⁴. Задача физически сильных и здоровых людей — избавить больного человека от страданий и помочь ему переродиться, чтобы получить новую жизнь, где нет физических страданий.

Ефремов писал, что Калькутта «стоит на правой стороне Ганга»³⁵, однако писатель спутал Ганг и его приток Гугли (Хугли), на котором расположен город. В XVIII в. город делился на две части — Черный город, где в хижинах жило местное население, и Белый город с великолепными особняками англичан, которые дали ему имя «Город двorcов». Русский офицер посетил европейскую часть бенгальской столицы и заметил, что «улицы здешние прямы и широки, дома по большей части каменные и часто довольно огромны. Жители суть англичане, греки и многие роды индейцов»³⁶. Поведал путешественник и о форте Вильям, построенном в 1689 г. на берегу реки среди тростниковых болот и топей.

Естественно, упомянул он и о караван-сараях для купцов, возведенном «на образец прочих азийских». Ефремов рассказал в «Странствовании» о веротерпимости бенгальцев, в столице которых находятся «греческий монастырь, многия английския церкви, несколько магометанских мечетей и большое количество индейских капищ»³⁷. Русский офицер поселился в греческом православном монастыре, где иноки отвели ему келью и «довольствовались пищей».

В Калькутте Филипп Ефремов явился с рекомендательным письмом от сэра

Мидлтона к мистеру Чамберу, подарил ему слугу-«арапа», за что тот «посодействовал» в отправлении путешественника в Англию на корабле Ост-Индской компании. Так начался для Ефремова путь на родину из Индии.

В конечном счете «индийская» часть «Девятилетнего странствования» Ефремова существенно раздвинула границы сведений о далекой для русских стране. В путевых очерках писателя виден интерес не только к настоящему, но и к прошлому Индии, причем больше к реальной, чем к легендарно-апокрифической истории страны.

Реальная история Индии в изображении Ефремова — это не только история завоевательных походов и войн, разрушений и утрат. Это история великих достижений в области философии, искусства, материального производства. По своей энциклопедичности индийские очерки «Девятилетнего странствования» Ефремова могут быть сопоставимы только с описанием Индии в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина.

Примечания

¹ Ефремов Ф. С. Девятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию/Под ред. П. С. Кондырева. Казань, 1811. С. 129.

² Ефремов Ф. С. Указ. раб./Под ред. Б. Гека. СПб., 1786. С. 52.

³ Ефремов Ф. С. Указ. раб./Под ред. П. С. Кондырева. С. 128—129.

⁴ Там же. С. 130.

⁵ См.: Семенова Н. И. Государство сикхов: Очерки социальной и политической истории Пенджаба с середины XVIII до середины XIX века. М., 1958.

⁶ Ефремов Ф. С. Указ. раб./Под ред. Б. Гека. С. 26.

⁷ См.: Mesrop Y. Armenian in India from the Earliest Times to the Present Day. Calcutta, 1938.

⁸ Ефремов Ф. С. Указ. раб./Русская старина. 1784. Т. 79. № 7. С. 146.

⁹ Ефремов Ф. С. Указ. раб./Под ред. П. С. Кондырева. С. 25.

¹⁰ Там же. С. 132—133.

¹¹ См.: Spear T. G. P. Delhi. Its monuments and history. L., 1945.

¹² Ефремов Ф. С. Указ. раб./Под ред. Б. Гека. С. 54.

¹³ «Книга» Марко Поло. М., 1956. С. 183.

¹⁴ Ефремов Ф. С. Указ. раб./Под ред. Б. Гека. С. 54.

¹⁵ Там же. С. 54—55.

¹⁶ Ефремов Ф. С. Указ. раб./Русская старина. С. 147.

¹⁷ Там же. С. 146.

¹⁸ См.: Sardesai G. S. New history of the Marathas. V. 3. Bombay, 1946.

¹⁹ Ефремов Ф. С. Указ. раб./Под ред. П. С. Кондырева. С. 133.

²⁰ Ефремов Ф. С. Указ. раб./Под ред. Б. Гека. С. 26.

²¹ Там же. С. 26—27.

²² Ефремов Ф. С. Указ. раб./Под ред. П. С. Кондырева. С. 136.

²³ См.: Древнеиндийская философия. М., 1972. С. 125, 156.

²⁴ См.: Керлот Х. Э. Словарь символов. М., 1994. С. 115—119.

²⁵ Ефремов Ф. С. Указ. раб./Под ред. П. С. Кондырева. С. 137.

²⁶ См.: Мифологический словарь. М., 1992. С. 518.

²⁷ Ефремов Ф. С. Указ. раб./Под ред. П. С. Кондырева. С. 137.

²⁸ Путешествие Рафаила Данибегашвили в Индию, Бирму и другие страны Азии. М., 1969. С. 28.

²⁹ См.: Минаев И. П. Старая Индия: Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина // Журнал министерства народного просвещения. 1881. Ч. 215. Отд. 2.

³⁰ Ефремов Ф. С. Указ. раб./Русская старина. С. 147.

³¹ Ефремов Ф. С. Указ. раб./Под ред. П. С. Кондырева. С. 137—138.

³² См. подробнее: Abhedananda S. Doctrine of Karma. Calcutta, 1947.

³³ Путешествие Рафаила Данибегашвили в Индию... С. 27.

³⁴ См. подробнее: Head and Reincarnation. An East-West anthology. N. Y., 1961.

³⁵ Ефремов Ф. С. Указ. раб./Под ред. П. С. Кондырева. С. 138.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

The article is devoted to the Russian traveller F. S. Efremov who undertook in the second part of XVIII a trip to India through Bukhara, China and Tibet. After returning he wrote a book which includes many interesting facts about life styles and culture of the peoples of India. The author of the article makes several comments on the book.

Krishna Pal

© 1996 г., ЭО, № 4

Г. Е. Марков

ОТ ИСТОКОВ НЕМЕЦКОЙ ЭТНОЛОГИИ К ЕЕ РАСЦВЕТУ. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

По свидетельствам письменных и археологических источников, с древнейших времен существовали связи между отдельными группами людей в виде обмена материальными предметами и знаниями. Естественно, что это предполагало знакомство с ближними и дальними соседями, с их обликом и образом жизни. Начиная с эпохи ранних цивилизаций и в позднейшие времена, в памятниках письменности наряду с прочими сообщались сведения, которые можно назвать этнографическими. Уже тогда предпринимались отдельные попытки их теоретической интерпретации. Так, к примеру, еще в эпоху античности была высказана мысль о подразделении народов на дикие, варварские и цивилизованные. Ряд гипотез о первобытных народах был высказан выдающимися умами своего времени в эпоху географических открытий и в век просветителей и энциклопедистов.

Но первые теоретические направления и учения, приведшие к возникновению науки о народах как самостоятельной дисциплины, сложились только в середине прошлого века.

При всем богатстве теоретических исследований в этнологии одно из важнейших научных направлений — изучение истории науки, развития в ней теоретических взглядов и школ — долгое время не привлекало достаточного внимания ученых. Несколько лучше дело обстоит с изучением теоретического наследия англо-американской этнологии (социальной и культурной антропологии), чему посвящено, в том числе на русском языке, немалое число фундаментальных исследований. Значительно меньше сделано в области изучения историографии немецкоязычной этнологии (*Völkerkunde, Ethnologie*).

Между тем, только детальное знание истории науки и существовавших теоретических воззрений позволяет, с одной стороны, избегать ошибок прошлого или «открытий» давно известных истин, а с другой, — дает возможность использовать богатство идей, высказанных в свое время разными учеными, но не получившими по разным причинам дальнейшего развития.

За полтора столетия существования немецкоязычной науки о народах накопилось огромное количество описательных и теоретических исследований. Складывались и распались научные школы и направления, однако их история изучена лишь в общих чертах, а большая часть имеющихся по этим проблемам публикаций стала, за исключением посвященных немецкому народоведению, библиографическими редкостями¹. К тому же, рассматривая историю изучения развития теоретических взглядов в немецкоязычной этнологии, нельзя не заметить, что до недавнего времени в немецких и русских публикациях, хотя этой